

УДК 153.9

ОБЪЕКТИВАЦИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ОПЫТА*Д.Г. Трунов*

Пермский государственный университет, 614990, Пермь, Букирева, 15.

e-mail: trunoff@hotmail.ru

Психический опыт как область «невидимого» нуждается в предметном представлении, или объективации. В основе объективации лежит иносказание. Иносказательные формы объективации представлены в виде оппозиций. Описаны базовые, пространственные и оценочные оппозиции. Объективация выполняет следующие функции: диссоциация, анализ, избегание ответственности, интеграция.

Ключевые слова: психический опыт; эмотивная лексика; объективация; иносказание; метафорические оппозиции; диссоциация; ответственность; интеграция

Необходимость объективации

Для того чтобы сказать нечто о любом виде опыта, его необходимо «расчленил» на отдельные фрагменты и обозначить последние словами. Такое расчленение опыта происходит «само собой» в том случае, когда мы имеем дело с «внешними объектами», т.е. объектами, которые имеют перцептивно (например, визуально) подтверждаемые пространственные границы и таким образом уже отделенные друг от друга. В этом случае достаточно просто назвать такой объект и включить это название в то или иное суждение. Дескрипция усложняется, если мы имеем дело с психическим опытом — с тем, что человек наблюдает «внутри» себя, а точнее — не «наблюдает», а ощущает и чувствует. Внутренний опыт представляет собой непрерывный поток субъективных переживаний и, чтобы говорить о нем, его необходимо поделить на фрагменты, имеющие названия. Однако во внутреннем опыте нет таких четких естественных границ, которые мы можем наблюдать

у объектов внешнего опыта: световые и цветовые контрасты, контуры, поверхности и т.д., — а если они и существуют, то имеют сугубо *личное* (субъективное) значение, поскольку внутренний опыт принадлежит только тому человеку, который его испытывает.

Необходимым *условием* и *результатом* рефлексии психического опыта (т.е. восприятия своих собственных переживаний) является его *объективация*, т.е. дискурсивная концептуализация психического опыта в качестве особого рода объекта: «состояния», «чувства», «желания», «потребности» и пр. Л.С. Выготский писал: «Сознание своих переживаний и означает не что иное, как именование их в качестве объекта (раздражителя для других переживаний). Сознание есть переживание переживаний, точно таким же образом, как переживания суть переживания предметов» [6. С. 36]. Как уже говорилось, объективация происходит благодаря номинации и номинализации: когда мы даем название чему-то не существующему предмет-

но, но существующему в нашем психическом опыте, мы создаем нечто *объектное*, отдельное от «Я», противопоставленное ему. Объективация психического опыта осуществляется исключительно благодаря языку, однако это не означает, что язык здесь выступает как «барьер» на пути самовосприятия, как то, что «заслоняет» некую «истинную сущность» своими «фантомами». Напротив, эта сущность *впервые* появляется лишь в процессе дискурсивной концептуализации и далее подвергается постоянному уточнению, подтверждению или, напротив, опровержению.

Иносказательная природа объективации

Сущностная особенность объективации заключается в том, что она имплицитно *иносказательность*. В основе любой объективации всегда лежит *метафорический* или *метонимический* перенос, который, однако, не всегда удается сразу заметить. Сам термин «объективация» сообщает нам, что он *уподобляет* именуемое некоему объекту. Мы пытаемся выделить в психическом опыте *нечто*, что можно назвать *чем-то* и соответствующим образом отнестись к *нему*. О. Мандельштам писал: «...для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть сравнение» [14. С. 161], — это высказывание в полной мере относится к внутреннему опыту и даже более к внутреннему, чем внешнему. В смутных, еще-не-определенных и не названных ощущениях выделяется нечто, что должно быть уподоблено уже знакомому явлению. Ж. Батай пишет: «Знать значит: привести к известному, схватить нечто неизвестное как тождественное чему-то известному»; «...мое существование, как и всякое другое, идет от неизвестного к известному (приводит неизвестное к известному)» [2]. Так иносказатель-

ный прообраз структурирует психический опыт в соответствии со своей схемой и делает возможной его концептуализацию и осознание. О. Мандельштам писал: «Я сравниваю — значит, я живу...» [14. С. 161]. Удачная метафора может очень ярко и буквально *наглядно* выразить то, что переживает человек внутри себя. Н. Арутюнова считает, что «без метафоры не существовало бы лексики “невидимых миров” (внутренней жизни человека), зоны вторичных предикатов, то есть предикатов, характеризующих абстрактные понятия» [1. С. 9].

Интроспективная (эмотивная) лексика не может взяться из пустоты, и когда в этом возникает необходимость, слова для обозначения психического опыта заимствуются из других областей человеческого опыта, приспосабливаясь к новым значениям. Ф. Гарсиа Лорка писал, что любое поэтическое воображение ограничено действительностью, что «нельзя представить себе несуществующего» [7. С. 115]. Воображение питается реальными вещами и использует реально существующие связи между ними. Новизна воображения состоит лишь в том, что оно переносит это все в иной контекст. Так, пытаясь описать другим людям свой психический опыт — опыт переживаний, желаний, чувств, потребностей, человек неизбежно прибегает к иносказанию. Схемы внешнего мира он естественным образом переносит в мир внутренней жизни. Равно иносказательными являются как обыденные представления о душе, так и научное описание психической жизни. О. Шпенглер писал: «Ученый «переименовывает непротяженное в протяженное», создает понятия, с помощью которых он пытается описать то, что проявляется лишь «физиогномически», и в результате «все эти слова коренятся в круге представлений естествознания»; проанализировать какой-либо психический феномен — означает

«измерить подставленный на его место пространственный силуэт», расположить его относительно «призрачной системы координат в призрачном пространстве души»; «психолог даже не замечает, что он копирует физика» [25. С. 480].

Эмотивная лексика

Итак, эмотивная лексика во многом — это бывшая *предметная лексика*: многие слова, описывающие психический опыт, взяты из словаря внешнего опыта («ярость», «подавленность», «тоска», «печаль» и пр.). Здесь надо упомянуть еще об одном регионе, который явился донором для словаря психического опыта, — регион телесного опыта. «Человеческое тело — лучшая картина человеческой души», — писал Л. Витгенштейн [5. С. 471]. Опыт тела — это метафора, активно используемая для описания жизни души. Это иллюстрируют некоторые *телесные метафоры*, используемые при описании душевных явлений: «меня *тронули* ваши слова», «эта тема меня не *касается*», «*поддерживающий* взгляд», «*отталкивающая* улыбка», «*теплые* отношения», «*мягкий* характер» и т.д. Во фразеологических оборотах можно найти *телесные метонимии*, которые *наглядно* изображают переживания человека, например, «повесить голову» — о состоянии уныния, «выпятил грудь» — о гордости. Мы можем даже встретить активную фразеологическую эксплуатацию отдельных органов тела, например носа: «зарубить на носу», «водить за нос», «крутить нос», «остаться с носом», «не видит дальше своего носа», «повесить нос», «задирать нос». Еще один пример, взятый у В. Даля: *сердце* — это название анатомического органа, перегоняющего кровь по телу; однако у этого слова есть другие значения и производные: нутро; представитель любви, воли, страсти, нравственного, духовного начала; проти-

воположно умственному, разуму, мозгу; всякое внутреннее чувство сказывается в сердце; гнев, негодование, злость; мягкосердечный, доброе сердце, каменное сердце, жесткосердный; сердце сжалось; это мне по сердцу (нравится); сердечный человек, сердитый человек; сердчать [10. С. 63-65].

Таким образом, внешний опыт и опыт тела являются базовыми для концептуализации психического опыта. Мир *видимых* феноменов окружающего мира (вещей, живых существ, явлений природы и т.д.) становится для человека прообразом мира *невидимых* психических феноменов. По словам О. Шпенглера, «возникает наводящая на размышление картина некоего *противомира*, посредством которой мы представляем себе, зримо ставим перед собой то, что извечно остается чуждым самому глазу»; такое «воображаемое душевное тело» является точным отображением внешнего мира [25. С. 482]. Понятие «предметного» и «телесного», таким образом, первично по отношению к понятию «душевного». Концепт души выделился из телесного и шире — из объектного опыта. Метафора отсылает к опыту, который можно назвать *универсальным*, поскольку он сходен практически у всех людей (по крайней мере живущих в одной культуре); но его также можно назвать и *примитивным*, поскольку метафоры обычно содержат образы, относящиеся к более простому по своей организации миру. С помощью такого *общего* и *простого* языка человек описывает свою *индивидуальную* и *сложную* психическую жизнь...

Э. Гуссерль пишет: «Естественно-логические понятия вещи и свойства, целого и части, связи и отдельной вещи, причины и действия и т.п. целиком укоренены в первичном реальном, реальном природы и, тем самым, в ее основном определении как *res extensa*. При пе-

реходе к психическому, становясь психологическими, они теряют основную суть их смысла и остается только пустая оболочка формально-логических понятий предмета, качества и т.д.» [9. С. 68]. Тем не менее эта «пустая» оболочка «тянет» за собой свойства объектного мира. Коль скоро мы имеем дело с психическим опытом как с «формальным» объектом, то мы сами вступаем с ним в субъект-объектные отношения. Это демонстрирует любое высказывание, описывающее объективированный психический опыт. Во-первых, объективированное, вынесенное вовне чувство должно быть как-то «оформлено»: в одних случаях оно *опредмечивается*, т.е. выступает в роли неодушевленного предмета («вещи»), в других случаях — *одушевляется*, или *персонифицируется*. Во-вторых, «превращение» в тот или иной объект подразумевает некие взаимоотношения «Я» с этим объектом: в одном случае «Я» может занимать активную позицию, выступать в роли действующего «агенса»; в другом случае, напротив, «Я» занимает пассивную позицию, ему отводится роль «пациенса», претерпевающего, подвергающегося воздействию. Например, в высказывании «Меня придавила усталость» мы видим, что «Я» оказывается в пассивной позиции по отношению к опредмеченному чувству; напротив, высказывание «Я сбросил с себя усталость» демонстрирует активную позицию «Я» по отношению к опредмеченному чувству. Те же самые парные позиции мы можем определить в других высказываниях, где чувство выступает уже в персонифицированной форме: ср.: «Мною овладела усталость» и «Я борюсь с усталостью».

Помимо этого существуют и другие типы взаимоотношений «Я» и объективированного опыта. Например, человек может ощущать присутствие чего-то (чувства, желания и пр.) *внут-*

ри себя («Я хочу вырвать из себя эти мысли»), *вне* себя («Эта тревога всегда со мной») или даже описывать себя *погруженным* в некую среду («Меня поглотил страх»). Кроме того, переживания внутреннего опыта могут быть описаны с помощью динамических метафор. Это связано с тем, что объективированное чувство получает виртуальную способность *перемещаться*. Например, какое-либо чувство может «выходить» («выливаться» и пр.) из меня или, напротив, «входить» («проникать» и пр.) в меня. И с другой стороны, я сам могу из него «выходить» или в него «погружаться». Чувство может «задевать» меня, «уходить» от меня или «приближаться» ко мне, «настигать» меня. Иногда чувство обособляется не только в пространственном, но и во временном аспекте («У меня участились приступы страха»). Благодаря объективации человек может не только «иметь чувство», но и как-то относиться к нему («Это состояние меня пугает»). Другими словами, он может что-то чувствовать (или, опять же, *иметь* чувство) по поводу первоначального чувства. Такая «вторичная диссоциация» выражена во фразе: «У меня появилась тревога по поводу участившихся приступов страха». Таким образом, мы имеем многообразие метафорических форм объективации, помогающих нам концептуализировать свой психический опыт.

Метафорические оппозиции психического опыта

Иносказательные образы и схемы, оформляющие феномены мира души в вещи, — так называемые «вещные коннотации» — выявляются на основе *буквального* прочтения тех или иных описаний психического опыта [18]. Благодаря этой процедуре мы можем эксплицировать разнообразные метафоры и метонимии, оформляющие любое наше самописание. Поэтому для того чтобы хоть как-то систематизировать

этот материал, иносказательную феноменологию самоотчуждения лучше представить в виде *оппозиций* — пар противоположностей, или «семических категорий» (П. Рикёр), которые лежат в основе многообразия интроспективной лексики. Такое бинарное восприятие и описание реальности было свойственно человеческому мышлению во все времена. Об этом говорят противопоставляемые друг другу образы света и тьмы, неба и земли, мужского и женского и пр., существующие во всех мифологических культурах. Точно также, по Дж. Келли, современный человек интерпретирует действительность «в терминах схожести и контраста», поэтому представления человека о себе, его «личностные конструкты» по своей природе всегда дихотомичны [24. С. 438]. По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, пространственные ориентационные шкалы типа «верх — низ», «перед — зад», «нахождение на чем-либо / около чего-либо — удаление» (on — off), «центр — периферия» и «близкое — далекое» составляют богатую основу для осмысления мира [13. С. 407]. Некоторые оппозиции настолько естественны и настолько глубоко пронизывают наше мышление, что они воспринимаются как *самоочевидные*, как *прямые* описания явлений внутреннего мира, а тот факт, что они представляют собой *метафорические* выражения, просто никогда не приходит в голову большинству носителей языка [13. С. 411-412]. Мы не ощущаем метафоричности самоописания, поскольку у нас просто нет альтернативного способа описания.

Все метафорические оппозиции так или иначе основываются на имеющемся у любого человека эмпирическом опыте, а потому в большинстве случаев понятны и наглядны. Метафора вообще может служить средством осмысления того или иного понятия только бла-

годаря ее эмпирическому основанию [13. С. 401]. Например, говоря о полярных оппозициях «верх — низ», «внутри — снаружи» и т.п., лежащих в основе многих метафорических выражений, Дж. Лакофф и М. Джонсон подчеркивали, что «подобные метафорические ориентации отнюдь не произвольны — они опираются на наш физический и культурный опыт» [13. С. 396]. А поскольку этот опыт является чаще всего универсальным, большинство метафор и символов, описывающих психический опыт, являются *архетипическими*, т.е. несут одни и те же или очень сходные значения для большинства людей. Несомненно, архетипические средства, с помощью которых человек описывает жизнь своей души, «обязаны своей конкретной образностью впечатлениям, поступающим извне» [26. С. 107]. Несмотря на климатические, природные и другие различия, все люди на нашей планете имеют некоторые сходные условия существования, обуславливающие появление общих метафорических понятий, в терминах которых осмысляется тот или иной опыт. К этим внешним, природным предпосылкам появления универсальных метафор (архетипических символов) Ф. Уилрайт добавлял и внутреннее, относящиеся к некой «психической природе» человека: «Несмотря на значительное разнообразие человеческих обществ, их способов мышления и их реакций, как в физическом, так и в основном психическом строении человека есть определенное естественное сходство» [21. С. 98]. Кроме *природных* и *психофизических* — «внешних» и «внутренних», «объективных» и «субъективных» — предпосылок для возникновения метафорических оппозиций мы не можем не указать на социокультурные факторы, в частности на *дискурсивную среду*, в которой развиваются человек и его психофизическая структура. Сознание всех людей имеет

языковую природу, а значит, подчиняется неким единым законам, связанными с *языковыми универсалиями*.

В задачи настоящей статьи не входит исчерпывающее описание всех возможных метафорических оппозиций, описывающих психический опыт. Ниже будут приведены лишь некоторые примеры-иллюстрации. Среди описанных ниже оппозиций можно выделить *базовые оппозиции*. Прежде всего — это дихотомия «активное — пассивное», которая имеет языковую природу, поскольку в основе практически любого высказывания лежит формальная синтаксическая конструкция, содержащая *агенса* (действующий субъект) и *пациенса* (претерпевающий объект). Для того что бы говорить о реальности (внешней или внутренней), человек должен наделить фрагменты этой реальности активной и пассивной функциями (см. примеры выше). К базовым оппозициям также относится дихотомия «живое — мертвое», поскольку она отражает онтологическое представление о разделении мира на живые существа и неживые предметы. Объективированный психический опыт должен быть как-то оформлен, поэтому в одних случаях его фрагменты могут выступать в виде живого существа (одушевляться, олицетворяться), а в других случаях — в форме неодушевленного (мертвого) предмета (овеществляться, опредмечиваться). Еще одна базовая дихотомия, «мужское — женское», отражает биологическое деление живых существ на две группы, отличающиеся по ряду признаков как объективных, так и тех, которые дискурсивно определены в каждой культуре.

Другая большая группа оппозиций включает *пространственные оппозиции*, или «пространственные ориентационные шкалы» (Дж. Лакофф, М. Джонсон). Благодаря «символизированию протяженности» (О. Шпенглер)

психические процессы и явления могут осмысляться как объекты, находящиеся в пространственных взаимоотношениях друг с другом. Пространственные метафоры позволяют психическому опыту наглядно развернуться на сцене сознания и создать особые (позиционные) типы взаимоотношений «Я» и отчужденного опыта. В некоторых случаях метафорическая ориентация в пространстве составляет столь существенную часть понятия, что нам трудно вообразить какую-либо другую метафору, которая могла бы упорядочить данное понятие [13. С. 401].

Особо необходимо подчеркнуть, что любая метафорическая оппозиция имеет *оценочный компонент*. «Социальная оценка определяет все стороны высказывания, пронизывая его насквозь», — писал М.М. Бахтин [3. С. 240]. Некоторые оппозиции имеют лишь легкий налет оценки, и на первый план выходит их основная, объективирующая функция. Другие оппозиции обладают более явными оценивающими свойствами. Например, пространственный компонент оппозиции «высокое — низкое» иногда просто не замечается — настолько в ней преобладает оценочный компонент («высокие чувства», «низкий поступок»). Также практически не ощущается эмпирическое основание в метафорических понятиях «сладкое» и «горькое», которые в контексте психического опыта несут соответственно значения «приятный» и «горестный» («скорбный»). А пространственная оппозиция «близкое — далекое» приобретает значение оценочной дихотомии «свое — чужое».

Функции объективации психического опыта в самопознании

«Охлаждение» чувств

Объективацию — «отделение» фрагментов психического опыта от «Я» в качестве метафорических объектов иногда называют «диссо-

циацией» [17], или «самоотчуждением», вкладывая в эти понятия несколько негативный смысл. Тем не менее такого рода «самоотчуждение» адекватнее воспринимать не с нормативной точки зрения, а с функциональной, т.е. видеть те функции, которые оно выполняет в самопознании. Например, в силу того, что объективация позволяет относиться отстраненно к психическому опыту, она тем самым несет в некотором роде «защитную» функцию, поскольку дает возможность «передохнуть» от переживания, «отодвинуть» его на время. «В звуках языка, так же как и в первичных мифологических образах, находит завершение одинаковый внутренний процесс: и те и другие снимают внутреннее напряжение, выражают душевные переживания в объективированных формах и фигурах» [12. С. 36]. Человек, находящийся в пламени собственных чувств, может получить огромное облегчение, если попытается с помощью самообъективации выйти из ситуации и посмотреть на свое состояние со стороны.

«Чувствовать» и «иметь чувство» — разные по эмоциональной напряженности позиции (ср.: «я боюсь» и «у меня есть страх»). Объективированная форма выражения чувства позволяет уйти от контакта с *источником* возникшего чувства. Если я говорю «Я боюсь», то это подразумевает, что где-то присутствует нечто или некто, вызывающий это чувство. Напротив, фраза «У меня есть страх» лингвистически полная и не предполагает свободных валентностей (в отличие от первой), поэтому она «не тянет» за собой неприятные образы объекта-стимула. Говоря, ей вовсе не обязательно вспоминать о ком-то или о чем-то, что вызвало страх. Когда я объективирую свое чувство, я отрываю его от фрагмента реальности (и внешней, и внутренней), теперь я имею дело только

с этим абстрактным «объектом-чувством» и рассуждаю только о нем. Отношение к объекту-стимулу теперь заменяется на отношение к объекту-чувству, вызываемому этим стимулом: «Меня беспокоит страх». Возможно, это достаточно прочная защита от *непосредственного* переживания психического опыта.

Анализ психического опыта

Объективация — представление психического опыта в словесно-овеществленной форме — позволяет производить над ними некоторые мыслительные операции, подвергать психический опыт *анализу* (от лат. *analysis* — разделение), *критически* его переосмысливать (от греч. *κριτική* — способность разбирать). Другими словами, вербальное оформление психического опыта в «дискретные сущности» (Дж. Лакофф, М. Джонсон), его метафорическая деструкция («разложить по полочкам») создает условия для анализа человеком своих переживаний, понимания того, что с ним происходит («разобраться в себе»). Хаос неопределенных и «переполняющих душу» ощущений облекается в компактные названия, которые без труда умещаются в сознании. Психический опыт, представленный миром словесных образов, легко поддается инвентаризации, и человек, таким образом, становится способным рассказать другим о своих чувствах и значимых для него ситуациях и проблемах. И.М. Сеченов в работе «Элементы мысли» говорил о том, что наблюдательная позиция дает человеку возможность относиться к актам собственного сознания критически, т.е. отделять все свое внутреннее от всего приходящего извне, из объективного мира, что, в конце концов, помогает человеку достичь самосознания [15. С. 32]. К. Юнг использовал в своей работе методы «арттерапевтической объективации», в которых он достигал контролируемого отчуждения психического опыта; на-

пример, он предлагал пациенту нарисовать картину своего психического состояния. «Благодаря этому общий непостижимый хаос объективируется и может рассматриваться дистанцированно, анализироваться и толковаться сознанием. Эффект этого метода, видимо, состоит в том, что первоначальное хаотическое и ужасное впечатление заменяется картиной, в некотором роде перекрывающей его. Картина “заклинает” ужас, делает его ручным и банальным, отводит напоминание об исходном переживании страха» [26. С. 88].

Избегание ответственности

Объективация психического опыта помогает человеку не только понять себя, но и презентовать свой психический опыт окружающим. Объективация позволяет создавать своеобразные «интроспективные нарративы», в которых описываются взаимоотношения со своим объективированным опытом. Сюжеты этих нарративов, безусловно, интерсубъективно (социально) ориентированны, т.е. выражают желание человека идентифицировать себя с той или иной ролью, например, ролью «победителя» по отношению к своему психическому опыту или ролью его «жертвы» и пр. Спрашивается: какой социальный интерес заключается в том, чтобы выставлять себя в качестве «жертвы»? Один из ответов таков: для того чтобы избежать социальной ответственности за свой психический опыт. Речь идет о том, что благодаря объективации человек может дистанцироваться от ответственности за несоответствующую социальным нормативам психическую активность.

Как известно, спонтанное проявление человеком некоторых своих чувств и желаний чаще всего не одобряется обществом. Вследствие этого, считал З. Фрейд, человек постепенно «вытесняет» их непосредственное чувствование и хотение. Это касается не только сексуальных

и агрессивных желаний, но и других, которые ситуативно не одобряются окружающими. Однако попытка «сдержать» эти нежелательные проявления или как-то «не обращать на них внимания» тем не менее не гарантирует того, что они все же проявятся, «выплеснутся наружу». Описывая (воспринимая) подобного рода неприемлемые проявления психического опыта в объективированной форме, человек создает относительно приемлемую (и даже взаимовыгодную) ситуацию как с точки зрения личности, так и ее окружения. В своем самоописании человек («Я») не является источником чувства или желания, напротив, чаще всего — он их «жертва» («На меня что-то нашло»). Любая объективация своих качеств, чувств, желаний практически исключает личное участие «Я» в поступках человека. Благодаря этому человек освобождает себя от психологической ответственности за эти поступки (ср.: «Я это сделал, потому что у меня такой характер» и «Я хотел это сделать»).

Такого рода избегание ответственности за свои ненормативные проявления — это нормальная социальная стратегия. Для человека, живущего в обществе, она прежде всего связана с безопасностью, поскольку, считает Э. Фромм, об «ответственности» обычно говорится, когда человек должен быть за что-то наказан или в чем-то обвинен [22. С. 92]. Это же значение фиксирует словарь С.И. Ожегова, где выражение «понести ответственность» эквивалентно выражению «получить возмездие» [16. С. 466]. Одной из форм такого рода спасительного «самоотчуждения», по мнению Э. Фромма, является понятие греха: «Фактически мое действие отчуждено от меня, если я воспринимаю его как “грех” или “вину”. Это сделал как бы уже и не я, а “грешник”, “злой дух”, “тот другой”, которого теперь следует на-

казать» [22. С. 92]. Помогает избежать личной ответственности за свой психический опыт различные его персонифицирующие объективации, например образ искушающего Сатаны, навязывающего свои «нечестивые» мысли. В этом смысле интересна попытка Гегеля в «Жизни Иисуса» обратить известный диалог Иисуса с дьяволом (как собеседником-антагонистом) в *одинокие* размышления Иисуса, во *внутренний диалог с самим собой*. Вот как это описано в Евангелии от Луки: «Там сорок дней он был искушаем от диавола... И сказал ему диавол: если Ты Сын Божий, то вели этому камню сделаться хлебом. Иисус сказал ему в ответ: написано, что не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом Божиим» (Лука, 4:2-4). В конце концов «Иисус сказал ему в ответ: отойди от Меня, сатана...» (Лука, 4:8). А вот вариант того же диалога, но перенесенный Гегелем внутрь «сознания» Иисуса и очищенный от внешнего образа «диавола», т.е. менее отчужденный или — что то же самое — более ответственный: «Однажды в часы одиноких размышлений ему явилась мысль, не следует ли посредством изучения природы... попытаться превратить неблагородную материю в более благородную, пригодную для непосредственного использования, например камни в хлеб, или вообще сделать себя независимым от природы (броситься вниз), однако он отверг эту мысль...» [8. С. 37].

Встреча с самим собой

В понятиях «иносказание», «объективация» звучит идея инаковости, чуждости определения по отношению к определяемому. Неисчерпаемость и текучесть определяемого (психического опыта) не умещается в ограниченность и дискретность определения (эмотивная лексика), что приводит к естественному игнорированию неучтенного в определении содержания, т.е. к

его *отчуждению*, которое, по сути, есть *самоотчуждение*, или отчуждение части своего существования. Каждое самоопределение — это очередной итог самопознания, фиксация очередной «порции экзистенции». Связанное с самоопределением *самоотчуждение* создает необходимое напряжение для перехода к следующему этапу. Чем больше это напряжение, «когнитивный диссонанс» (Л. Фестингер), тем явственнее и даже драматичнее становится переход. «Скачок» к следующему определению осуществляется как через *замену* прежнего определения на новое, так и через интеграцию — *объединение* нового знания со старым. Можно предположить, что переход из отчужденной позиции (диссоциации) к интегрированной сопровождается наиболее полноценным (по сравнению с заменой) разрешением внутреннего противоречия (диссонанса) и достижением более целостного восприятия себя и мира, что субъективно ощущается как «инсайт» (З. Фрейд), как «пиковое переживание» (А. Маслоу).

Поскольку для самонаблюдения необходимы остановка и временная диссоциация, то парадокс феномена объективации состоит в том, что именно благодаря предварительному «отчуждению» своего психического опыта создается возможность для осуществления противоположного процесса — дальнейшего *присвоения* этого опыта. Ведь, по словам П. Рикера, «присваивать можно лишь то, что прежде находилось на расстоянии» [19. С. 44]. Сначала источник переживаний (чувств, желаний, ощущений и т.д.) человек видит в окружающем мире. При этом выносятся наружу (проецируются) и сами переживания. Затем этот источник переносится внутрь и существует там в виде «личностной структуры», «внутреннего голоса» и т.д., но все еще продолжает быть отделенным от «Я». И, наконец, эти переживания принима-

ются человеком как *свои*, т.е. человек осознает себя источником своих собственных переживаний. Они вбираются в себя (интегрируются), включаясь в *новое* целостное представление о себе.

Чтобы «осуществить свое существо», человек должен, по М. Хайдеггеру, «собрать (λέγειν), спасти (σώζειν), принять на себя раскрывающееся ему, сберечь его, каким оно открылось, и взглянуть в глаза всему его зияющему хаосу (αλήθειναι)»; при этом «собираение» есть исходный смысл греческого «логоса», а «спасение» означает «вернуть вещь и надежно сохранить за нею полноту ее существа» [23. С. 50]. Вслед за Евангелием, гласящем о душе: чтобы ее спасти, ее надо потерять, П. Рикёр говорит, что надо потерять «Я», дабы вновь обрести его [19. С. 31]. Х.Л. Борхес вспоминает персидскую притчу, в которой рассказывается о птицах короля Симурга, которые отправились на поиски своего повелителя и, в конце концов, узнали, что они и есть сам Симург [4. С. 113]. Эта история символизирует чудо обнаружения себя в объективированном опыте, объединение его в целостное самобытие. К. Юнг говорил об *индивидуации* как «пути к себе» — гармоничном развитии личности, в процессе которого происходит осознание и принятие теневых сторон души, интеграция отчужденных частей «Я» в одно целое (от лат. *individuum* — неделимый). В концепции «позитивной дезинтеграции» К. Домбровского развитие понимается как предварительная дезинтеграция уже определившихся личностных структур и функций и их постепенная интеграция на более высоком уровне. «Этот метод направлен на расшатывание ригидного образа Я, переживаемого в терминах ролей, расщепление образа Я, определяемого внешними оценками, и реинтеграция

самоотношения на базе автономного эго» [11. С. 197].

Особо необходимо отметить, что ключевую роль для осознания и принятия человеком отчужденного психического опыта играет *социальное окружение*. Оно может выступать в качестве фильтра, отсеивающего неприемлемые импульсы, которые, отчуждаясь, попадают в «теневую» часть души (К. Юнг) или, напротив, могут стать «фасилитатором» (К. Роджерс), т.е. посредником, облегчающим осознание и принятие этих импульсов. В последнем случае человек, вступая в диалог с Другим (фасилитатором), имеет возможность встретиться с самим собой, т.е. интегрировать свой объективированный психический опыт. В «безопасных отношениях» с собеседником, в отсутствие какой-либо явной или неявной угрозы своему «Я», человек «может позволить себе исследовать различные стороны своего опыта в их чувственной непосредственности так, как они выступают в его сенсорных и висцеральных механизмах, не искажая их для того, чтобы они соответствовали имеющейся у него “Я-концепции”»; только так противоречащий «Я-концепции» психический опыт может «просочиться в сознание без искажения» [20. С. 120]. Наконец, роль собственного фасилитатора может играть сам сознающий себя человек, необходимая для этого искренность перед самим собой основана на *самопринятии*, включающем (1) своеобразную способность не «прерывать» течение переживаний в силу оценки их как «неприличных», «алогичных», «ненормальных» [Именно этой способности добивается психоаналитик от своего пациента], (2) готовность столкнуться с чем-то неожиданным для себя или даже угрожающим для привычного представления о себе и (3) признать это своим собственным, т.е. принять за это авторскую от-

ветственность; именно в этом случае человек может встретиться со своим опытом в максимальной полноте.

Список литературы

1. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 9.
2. *Батай Ж.* Внутренний опыт. СПб., 1997.
3. *Бахтин М.М.* Тетралогия. М., 1998. С. 240.
4. *Борхес Х.Л.* Письмена Бога. М., 1992. С. 113.
5. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Язык как образ мира. М.: СПб., 2003. С. 471.
6. *Выгодский Л.С.* Сознание как проблема психологии поведения // Психология развития как феномен культуры. М., 1996. С. 36.
7. *Гарсиа Лорка Ф.* Самая печальная радость. М., 1987. С. 115.
8. *Гегель.* Философия религии: в 2 т. Т. 1. М., 1976. С. 37.
9. *Гуссерль Э.* Феноменологическая психология... С. 68.
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 12 тт. Т. 11. М., 2004. С. 63-65.
11. *Калитеевская Е.Р.* Парадоксальная социометрия как метод позитивной дезинтеграции самоотношения // Моск. психотерапевт. журнал. 1994. № 3. С. 197.
12. *Кассирер Э.* Сила метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 36.
13. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990. С. 407.
14. *Мандельштам О.* Слово и культура. М., 1987. С. 161.
15. *Мегрбян А.А.* Деперсонализация. Ереван, 1962. С. 32.
16. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1990. С. 466.
17. *Перлз Ф.С., Хефферлин Р., Гудмен П.* Опыты психологии самопознания. М., 1993.
18. *Перцова Н.Н.* К понятию «вещной коннотации» // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990. С. 96-105.
19. *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. М., 1995. С. 44.
20. *Роджерс К.Р.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. С. 120.
21. *Уилрайт Ф.* Метафора и реальность // Теория метафоры. М., 1990. С. 98.
22. *Фромм Э.* Душа человека... С. 92.
23. *Хайдеггер М.* Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 50.
24. *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1997. С. 438.
25. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 480.
26. *Юнг К.Г.* Психология переноса. М.; Киев, 1997. С. 107.

OBJECTIFICATION OF MENTAL EXPERIENCE

D.G. Trunov

Perm State University, 614990, Perm, Bukirev st., 15

The mental experience as an “unencountered” area needs for object conception or objectification. Objectification is based on allegories. The allegoric forms of objectification are presented in several oppositions including base, spatial and evaluative oppositions. Objectification executes the following functions: dissociation, analysis, refusal of responsibility, integration.

Keywords: mental experience, emotive vocabulary, objectification, allegories, metaphoric oppositions, dissociation, responsibility, integration.